

Марк Стейнберг

Хулиганские рассказы:

УЛИЧНОЕ НАСИЛИЕ, УЛИЧНЫЕ ЭМОЦИИ И УЛИЧНАЯ
МОРАЛЬ В ОДЕССЕ И БОМБЕЕ В 1920-е ГОДЫ¹

Mark D. Steinberg

Hooligan Stories: Street Violence, Street Emotions, and Street Morals
in Odessa and Bombay in the 1920s

Марк Стейнберг (Иллинойский университет в Урбане-Шампейне, исторический факультет, почетный профессор; PhD) steinb@illinois.edu.

Mark Steinberg (PhD; Professor Emeritus, Department of History, University of Illinois at Urbana-Champaign) steinb@illinois.edu.

Ключевые слова: насилие, город, нравственность, нарратив, эмоции, хулиганство, Одесса, Бомбей

Key words: violence, cities morality, narrative, emotions, hooligans, Odessa, Bombay

УДК: 94.4+94.5

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_183

UDC: 94.4+94.5

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_183

В статье рассматриваются смыслы и способы употребления категории «хулиган» в советской Одессе и в колониальном Бомбее в 1920-е годы. В этом сравнительном исследовании автор подчеркивает общие аспекты «повествований с моралью» (moral storytelling) об уличном насилии и его значениях в рассказах журналистов, полиции, государственными деятелей, социальных элит и самих «хулиганов».

This article examines the meanings of uses of the category “hooligan” in Soviet Odessa and colonial Bombay in the 1920s. This comparative study emphasizes commonalities in “moral storytelling” about street violence and its meanings — by journalists, police, state authorities, social elites, and “hooligans” themselves.

Демонстрируя неожиданное единодушие, британские колониальные и советские коммунистические власти 1920-х годов рассматривали уличное насилие не только как политическую опасность, но и как моральную угрозу их ценностям и ожиданиям. Пробным камнем было «хулиганство». Разумеется, оно не было статичной социальной категорией, хотя именно так к нему относились представители власти и граждане. Хулиганство являлось социальным и культурным конструктом. Типы поведения, определяемые как «хулиганские» (в том числе при помощи различных синонимов), были связаны с явными и даже демонстративными действиями нарушителей общественного порядка, осуждавшимися властями как признаки моральной деградации и психологической испорченности. В качестве категории интерпретации (и вероятно, как практика), хулиганство сформировало плотный узел, связавший воедино различные аспекты общественной, моральной и духовной жизни. Во многих отношениях в этой категории отразились (непосредственно в Индии и имплицитно в Советском

1 Я благодарен Борису Колоницкому, Владиславу Аксенову, Тарику Али (Tariq Ali), Санче деСоуза (Sanchia deSouza) и анонимным рецензентам за их экспертные и критические комментарии к предыдущему варианту статьи, а Станиславу Худзику — за его прекрасный перевод.

Союзе) колониальные системы классификации — «грамматики различия», необходимые для установления (или хотя бы для представления) порядка и прогресса в социальных и политических условиях, которые были «в конечном счете неустойчивыми, изменчивыми и неуправляемыми» [Tambe, Fischer-Tiné 2009: 11] (см. также: [Cooper, Stoler 1997]). Они также постоянно предавали политической практике моральное измерение. Действительно, элиты в обоих городах переживали нечто сродни «моральной паники» относительно массовых уличных беспорядков — в смысле преувеличенных страхов, укорененных в глубоких и непрекращающихся тревогах о людях, сама природа которых мыслилась как угроза основополагающим общественным ценностям [Cohen 1969; 1972].

Рассказы о хулиганстве — и я бы хотел подчеркнуть центральное значение искусства рассказчика для нашей истории — рассказы, представленные журналистами, полицией, чиновниками, а порой и самими «хулиганами», — были особенно острым и заметным явлением в космополитичных портовых городах. Как и другие морские порты, Одесса и Бомбей были центрами иммиграции и этно-религиозного разнообразия, но они же осуждались как магниты для «дурных типов» (*bad characters*), склонных «безобразничать» (*to make mischief* — широко распространенный и важнейший британский термин). Очевидно, между «колониальным» Бомбеем и «коммунистической» Одессой 1920-х годов имелись значительные социальные и политические различия, но эти простые политические ярлыки только подводят нас к разговору о реальном политическом, идеологическом, социальном, этно-религиозном и культурном многообразии этих городов². И мы их не можем игнорировать. Я хочу, однако, сделать акцент на сходствах в морализаторских рассказах, посвященных уличному насилию и его смыслу, особенно касательно употребления и значения «хулиганства». Таким образом, это не чисто «сравнительная» история (в смысле систематического и структурированного анализа локальных случаев как автономных и самостоятельных феноменов, приводящего к обоснованным выводам) и не чисто «глобальная» история (подход, который подчеркивает связь транснациональных и транслокальных обменов и потоков). Это нечто более гибридное: так сказать, депроvincialизированные локальные истории и партикуляризированные глобальные истории³.

Современный город и городское пространство находятся в центре этих рассказов. Начиная с самых ранних употреблений термина «хулиганы» в английском языке, они определялись как «уличные громилы», не сдерживаемые моралью, атаковавшие полицейских и других представителей власти, нарушавшие общественное спокойствие постоянными драками между собой, донимавшие безобидных прохожих без видимой причины и не демонстрировавшие особого почтения ни к собственности, ни к людям, ни к жизни как таковой, — типы поведения, считавшиеся признаками моральной и духовной патологии [Frosdick, Marsh 2005; Humphries 1981; Pearson 1983]. Вину за это моральное

2 Исследований по истории этих двух городов намного больше, чем можно упомянуть здесь. Ключевыми работами, уделяющими значительное внимание улицам и насилию в 1920-е годы (наименее изученный период), являются: [Савченко 2012; Chandavarkar 1998; 2009].

3 Последние исследования по проблемам и перспективам сравнительной истории и глобальной истории обширны. См., например: [Steinmetz 2014]. Пример такой сравнительной истории можно найти в: [Prestel 2017].

разложение часто вменяли условиям современного города. «Хулиганство, — заявляла в 1898 году лондонская “Daily News”, — плодится в мерзких, источающих миазмы проулках» таких мегаполисов, как Лондон⁴. В дореволюционной России порицались и назывались «хулиганскими» типы поведения, возвращенные современным городом, которые публично нарушали рациональные нормы цивилизованной общественности. Многие видели в хулиганстве не только внешнюю угрозу цивилизованной нормальности, но симптом внутреннего общественного и культурного слома, зеркальное отражение собственного морального вырождения и психологической испорченности, вскормленное в «безднах» современных «улиц» [Gerasimov 2018; Neuberger 1993; Steinberg 2011], — в процессе модернизации городская жизнь вызывала такие тревожные и даже панические чувства по всему миру. Как утверждала в 1921 году англоязычная газета «Times of India», выходявшая в Бомбее, угроза нормальной городской жизни исходила «из масс тех бадмашей, хулиганов низшего сорта, которых можно найти в трущобах и на бульварах всех великих Городов, канализационных крыс Цивилизации»⁵. Для властей город был не только местом исполнения изнурительной цивилизаторской миссии, но и ареной борьбы, решающей борьбы за контроль над городскими публичными пространствами, борьбы за «право на город» [Lefebvre 1968]. По всему миру «хулиганство» стало современным «ключевым словом», выражающим антисоциальное и нецивилизованное «расположение» (disposition), которое необходимо преодолеть: «хулиган» воспринимался как признак необходимости переработать и перековать человеческое сознание, чтобы превратить людей в цивилизованных современных граждан [McDonald 2011: 207—208; Schwarz 1996]. А рядом с нервными и осуждающими рассказами городских элит были еще и рассказы самих «хулиганов».

Осуждая хулиганов

Советская Одесса

Превращение Одессы в стабильный советский город после потрясений революции и Гражданской войны было сложным и неравномерным. И годы спустя следы физических разрушений и социальных беспорядков были характерны для городского ландшафта. Наряду с работой по восстановлению и переустройству, проект по созданию «нового быта» и «нового человека» требовал внимания к настроениям людей, нравам и духовным установкам. И среди наиболее тревожащих угроз новой жизни было хулиганское уличное насилие. Оно понималось как пережиток прошлого, обреченный на исчезновение в ходе триумфального марша истории. И все же его настойчивое присутствие, временами даже усиливающееся, стало угрозой, которую нельзя было игнорировать, она требовала объяснения.

«Хулиганство» было гибкой категорией, без разбора применявшейся для описания множества типов общественных беспорядков. В милицейских свод-

4 Цит. по: Hooligan // Oxford English Dictionary (<https://www.oed.com> (дата обращения: 29.09.2023)).

5 Times of India. 1921. November 18. P. 12.

ках и местной прессе слово «хулиганство» использовалось, например, в рассказах о группах молодых рабочих, которые швыряли камни в трамваи, проезжавшие по их району (особенно в населенной преимущественно евреями Молдаванке и в Пересыпи, где преобладали русские и украинцы). «Хулиганы» избивали случайных пешеходов (периодически нападая на прохожих-евреев); участвовали в уличных «разборках»; преследовали и сексуально домогались женщин; совершали мелкие правонарушения и насильственные действия в пивных, закусовых и кафе, обычно определявшиеся как «дебош» и «скандал»; избивали милиционеров, когда те пытались предотвратить происшествие или просто стояли на посту. Хулиганы часто нарушали общественный порядок громкой руганью и криками, — своего рода вербальное уличное насилие. Инциденты нередко были сопряжены с пьянством. Как и до революции, утверждалось, что хулиганское насилие совершалось «без всякой причины», из хамства и чистой агрессии, — другими словами, было проявлением морального падения и духовной патологии и, следственно, — угрозой цивилизаторскому проекту социализма⁶. Как мы увидим, и в Бомбее, и в Одессе внешняя иррациональность атак и их повторяемость указывали на их смысл и причины.

Как тип преступления в советском законодательстве, «хулиганство» было особенной категорией. Украинский уголовный кодекс, как и кодекс Советской России, определял «хулиганство» как ряд связанных категорий дурного поведения: буйство, бесчинство и дебоширство (или просто «дебош», от фр. *débauche*)⁷. Газеты вторили законодательству, определяя «хулиганство» через те же понятия, часто в одном ряду с еще менее ясными «озорством» и «скандалом». Иногда пресса использовала только эти понятия, особенно «озорство» и «дебош», именуя правонарушителей назывались «дебоширами» или «буянами», но по прошествии времени все они превратились в «хулиганов». И все же «хулиганство» было шире простой суммы форм правонарушений, поскольку оно осуждалось не просто как *физический акт*, — хотя неуправляемые и виктимизированные тела были одной из очевидных форм его проявления, — но и как *моральное* преступление (нарушение социально приемлемых определений нормальности, порядочности, разума, культуры, цивилизации, ценностей, сформировавших советский моральный кодекс, несмотря на идеологическое отрицание универсальных ценностей), а также как *эмоциональное* преступление (особенно иррациональная и бесцельная чрезмерность эмоциональных проявлений).

Социалистическая революция и марксистская идеология переопределили представление о цивилизованной и культурной жизни, которому противопоставлялось «хулиганство», осуждаемое как вызов более высокому моральному идеалу, нежели тот, который могло себе позволить буржуазное общество: строительству радикально нового общества, уважавшего и воспитывавшего человеческую личность так, как считалось немыслимым в контексте капитали-

6 Данное резюме основано на широком круге источников, в частности газете «Вечерние известия» («Известия Одесского Губисполкома, Губкома КП(б)У и Губпрофсовета: Вечерний выпуск») 1923—1930 годов и архивах: Державний архів Одеської області (ДАОО): Ф. Р-107, Одесское губ. управление милиции и уголовного розыска, 1919—1925; Ф. Р-4550, Одесское городское управление советской рабоче-крестьянской милиции, 1920—1928; Ф. П-7, Одесский окружком КП(б)У, 1923—1930; Ф. П-9, Одесский городской комитет Компартии Украины, 1930—1991.

7 Вся одещина на 1926 год. Одесса: Известия Одесского Окружкома КП(б)У, 1926. С. 63.

стического неравенства, эгоистического индивидуализма и материальных и культурных ограничений. Одесский журналист в 1926-м году счел важным отличать акты хулиганства, которые легко можно было понять как «преступление», от «чистопробного» хулиганства», которое всегда попирало человеческое достоинство, базовый принцип социалистической морали⁸. Многие советские должностные лица и институции схожим образом определяли хулиганство как преступления против высшей ценности социализма: «уважения к личности человека»⁹, «человеческого достоинства»¹⁰, «жизни, здоровья, свободы и достоинства личности»¹¹.

Термин «хулиганство», казалось, классифицировал уличное насилие как аполитичное буйство пьяных молодых людей. Однако в контексте советских усилий по созданию социалистического «нового быта» и «нового человека» оно неизбежно становилось политическим, причем со стойкой моральной окраской. Нигилизм и бессознательность в «хулиганстве» осуждались как противоположность социалистическим взглядам и энтузиазму. По всему СССР «нравственность», «мораль» и «нравы» стали навязчивыми идеями, породившими нескончаемый поток статей, книг и лекций о «морали с марксистской точки зрения», «новой морали», «коммунистической нравственности»¹². В Одессе милиция, комсомол, Коммунистическая партия и ГПУ составляли регулярные «политико-экономические» отчеты о «настроениях рабочих», заполненные замечаниями о «разочаровании» и «разложении». Хулиганство находилось в центре этой дискуссии как посягательство на «общественную мораль» и как политическая аномалия, бросающая вызов курсу властей [Лебина 1999: 57–59, 62–63; Gorsuch 2000: 169–176; McDonald 2011: 206–224].

Советская борьба с хулиганством, по крайней мере к середине 1920-х годов, имела многие отличительные черты морального крестового похода и даже «моральной паники», выразившейся во все более резком языке и призывах принять меры. В Одессе массовый поход против хулиганства начался в 1924 году, до начала всесоюзной кампании: милиция оштрафовала и арестовала много людей, преимущественно молодых, за публичное буйство, бунтарство, драки, приставание к прохожим на улице, — типы поведения, все чаще определявшиеся через правовую категорию «хулиганство»¹³. Редакция одесской ежедневной газеты «Вечерние известия» озвучивала официальный курс, вновь и вновь повторяя, что «борьба с хулиганством» направлена против врагов «нового быта», против недуга, унаследованного из прошлого, вредящего молодому организму революции, недуга, который следовало исцелить кампанией социального «оздоровления»: «Грубость, хулиганство, озорство — это печальное наследие буржуазного строя, к сожалению, наблюдается среди бессознательной части рабоче-крестьянской молодежи»¹⁴. Поскольку к середине

8 Вечерние известия. 1926. 12 августа. С. 2.

9 Вечерние известия. 1926. 26 сентября. С. 2.

10 Юный коммунист (Москва). 1926. № 19 (Октябрь). С. 47.

11 Вся одещина на 1926 год. С. 63.

12 См., например: Каким должен быть коммунист: старая и новая мораль: сб. / Под ред. Е. Ярославского. М.; Л.: Молодая гвардия, 1925; Луначарский А. Мораль с марксистской точки зрения. Харьков: Пролетарий, 1925.

13 См.: ДАОО. Ф. Р.-107. Д. 827 (1924). Л. 95, 138; Ф. Р-4550. Оп. 1. Д. 251 (1925). Л. 129, 152; Вечерние известия. 1924. 6 декабря. С. 3.

14 Вечерние известия. 1924. 25 июля. С. 3.

1920-х годов кампания по преодолению таких «аномалий» усилилась, рассказы о них стали более резкими, а язык и тон осуждения — более нравочительными и тревожными.

Репортаж о суде над тремя одесскими кожевниками, обвиненными в хулиганстве в июле 1925 года, представляет типичный пример. Факты были просты: основательно выпившие молодые рабочие избili проезжавших велосипедистов, затем — милиционера, после чего начали бить прохожих, пытавшихся остановить дебош. Эта история получила обычную интерпретацию: «...есть еще целина, не затронутая плугом Октября, есть еще язвы, старые, неизжитые болячки — наследие прошлого», сохраняющееся в жизни рабочих. Суд был с этим согласен. Обвиняемые просили о снисхождении в соответствии со знакомым судом сценарием: «были пьяны и ничего не помним». Судья предложил смягчить приговор по иной, но связанной со сказанным причине — из-за «низкого культурного развития» всех троих¹⁵.

Хотя эра массового уличного насилия против евреев прошла, антисемитизм и нападения на них были теми «уродствами» прошлого, которые не только сохранились, но и окрепли в конце 1920-х годов. Начиная с 1926 года отчеты милиции и ГПУ фиксировали бесчисленные антисемитские «инциденты», «дебоши» и «хулиганские действия» на рабочих местах и на улицах. Нападения на людей, выглядевших как евреи, часто сопровождались старым погромным лозунгом «Бей жидов!»¹⁶. Бывало, что и коммунисты потакали антиеврейскому «хулиганству». О двух ответственных работников Союза работников коммунального хозяйства и трамваев, обвиненных в 1928 году в сексуальных домогательствах, пьянстве и других «хулиганских действиях», сообщалось, что иногда они развезжали на автомобиле, выкрикивая: «Бей жидов, спаси Россию!»¹⁷ Партийные руководители навешивали на антисемитизм ярлык хулиганства, чтобы представить еще очередную причину необходимой моральной трансформации советского общества. Автор статьи об «антисемитах-хулиганах» (распространенная фраза в репортажах) в одесской комсомольской еженедельной газете «Молодая гвардия», антисемитизм был одним из многих социальных «извращений и болезненных явлений», с которыми советское общество боролось уже десять лет¹⁸. Антисемитизм часто носил открыто политический характер. «Жидоедство», констатировало ГПУ, широко распространено среди одесских рабочих, часто проявлявших враждебность к евреям на ответственных постах в правительстве, партии и профсоюзах и винивших евреев в своей бедности. В ухудшавшихся экономических условиях 1930—1931 годов некоторые рабочие высказывались, что евреи мстят русским людям за погромы 1905 года, считая, что пришло время «уничтожить жидов»¹⁹. Именованное антисемитизма «хулиганством» позволяло переопределить все более опасный способ политического мышления как еще один знак культурной и моральной отсталости, обреченный на исчезновение.

Многие рассказы о хулиганах касались рабочих клубов, которые должны были стать новыми «крепостями культуры» и штабами «фронта культурной

15 Вечерние известия. 1925. 29 июля. С. 6.

16 См.: ДАОО. Ф. Р-4550. Оп. 1. Д. 420 (1928). Л. 87.

17 ДАОО. Ф. П-7. Оп. 1. Д. 1606 (1928). Л. 120.

18 Молодая гвардия. 1929. 23 февраля. С. 2.

19 ДАОО. Ф. П-9. Оп. 1. Д. 75г (1931). Л. 43, 44, 48, 153, 157, 235, 371.

революции»²⁰, ситуация в клубах была тревожной: «...почти каждый день бывают скандалы и драки, пьянство и сбой в планомерной деятельности рабочих клубов по всему городу», — жаловался журналист²¹. В год публикации этой статьи судья Одесского окружного суда Штейнберг, который участвовал во многих процессах над хулиганами, работал с «типичным» случаем повсеместного явления: «бесцеремонными дебошами хулиганов», которые «срывают культурно-просветительную работу в рабочих клубах и театрах», часто заканчивавшихся избиванием выступавших. Четверо 18-летних «хулиганов» затеяли скандал, когда им не разрешили войти в театр без билетов, неистово ругались («матерной бранью») и избили милиционера, пытавшегося их уговорить²². Карикатура в «Вечерних известиях» наглядно представляла идею, что хулиган буквально являлся лицом нездоровой, даже выродившейся личностью (ил.).

КОДАКОМ С НАТУРЫ.

Ил. «Кодаком с природы. Хулиган — гроза всех клубов» (Вечерние известия. 1926. 20 февраля. С. 3)

Гендер имел центральное значение для рассказов о хулиганстве. Хулиганство часто виделось как мужской порок. Несколько упоминаний «женщин-хулиганок», появлявшихся в прессе и отчетах милиции, как, например, женщина, которая «без всякого повода» подошла и стала бить другую женщину, идущую вниз по улице Лассаля (она же бывшая Дерибасовская), были представлены как исключение, подтверждающее правило²³. Женщины появлялись в рассказах о хулиганах главным образом как жертвы. Домашнее насилие, против которого советские культурные институты регулярно инициировали кампании, клеймилось как хулиганство. Утверждалось, что мужья, избивавшие своих жен, были не только противни-

ками социалистической морали, отказывавшимися преодолеть дореволюционное отношение к женщине, но «мужьями-хулиганами»²⁴. Молодые люди, хватавшие, толкавшие и избивавшие женщин на улицах²⁵ или же домогавшиеся их на пляжах²⁶, именовались «хулиганами». После получившего большую огласку в 1926 году ленинградского процесса о групповом изнасиловании в Чубаровом переулке даже изнасилование было определено как хулиганство.

Решительная победа в культурной войне на «хулиганском фронте» никак не наступала. В конце 1920-х годов продолжали звучать моральные и полити-

20 Примеры использования этих распространенных фраз см.: Вечерние известия. 1923. 16 мая. С. 3; Юный коммунист (Москва). 1926. № 19. С. 47; Молодая гвардия (Одесса). 1927. 28 июля. С. 3.

21 Вечерние известия. 1925. 25 сентября. С. 3.

22 Вечерние известия. 1925. 5 ноября. С. 4.

23 Вечерние известия. 1925. 7 декабря. С. 3; 1926. 1 февраля. С. 3.

24 Вечерние известия. 1926. 3 августа. С. 3—4.

25 Вечерние известия. 1925. 7 декабря. С. 3.

26 Вечерние известия. 1924. 25 июля. С. 3.

ческие причитания о «хулиганстве», признавалось даже, что проблема обостряется, предлагались новые планы ее решения. С началом первой сталинской пятилетки одесский журналист раздраженно писал, что «сейчас, когда советская общественность ополчилась культпоходом на все уродливое в нашем быту», необходимо усиленно вести «войну» против хулиганского культурного «вандализма»²⁷. «Хулиганство» останется присуще советскому обществу и переживет его.

Колониальный Бомбей

В глазах колониальных властей и индийских элит городской пейзаж Бомбея был наводнен беспорядочно властвующими в нем «дурными типами» (*bad characters*), — общераспространенный термин, несший одновременно духовное и моральное осуждение, смешанное с классовым, кастовым и расовым. И консервативная газета «*Times of India*», защищавшая идеалы имперского правления, и антиколониальная газета «*Bombay Chronicle*» были обеспокоены «хулиганством». Оба издания определяли его как иррациональное, низменное и общественно опасное поведение. В их внимании к хулиганству ощущалась нарастающая моральная паника. Читатели, например, жаловались, что «в такой стране как Индия... преступный элемент только сейчас выступил настолько рельефно»²⁸. Подобное суждение не делало особых различий между политическими антиколониальными протестами и повседневным уличным насилием — главным было требование защиты граждан. Многие призывали к «облавам» и скорейшей депортации нежелательных элементов из города. Полиция предлагала публичные телесные наказания, уже запрещенные к тому времени, в качестве лучшей меры воздействия на людей такого сорта²⁹.

Колониальные власти безостановочно жаловались, что Бомбей притягивал как «магнит» беспутных и «бесчестных» «нежелательных персонажей», город стал «Меккой преступников», привлекающей разнообразных «хулиганов», «мавали» (*mavalis*), «бадмашей» (*badmashes*), «гунда» (*goondas*) и других «дурных типов» (*bad characters*). «Полиция, как бы она ни старалась, не может сдержать их натиск», — сокрушалась газета «*Times of India*»³⁰. Язык публикации показателен: регулярное использование англоязычными представителями власти и журналистами терминов, заимствованных из языков Индии, при описании городских правонарушителей, было обыденной практикой социальной категоризации и упорядочивания, практикой закрепления инаковости нарушителей с помощью категорий, совмещавших расовые, социальные и моральные иерархии и разграничения. С городскими пространствами они поступали точно так же, в особенности с незнакомыми районами, где жила индийская беднота. Представители власти жаловались: когда полиция преследовала хулиганов и других преступников, они с легкостью «исчезали»

27 Вечерние известия. 1928. 10 ноября. С. 3.

28 *Times of India*. 1926. May 8. P. 19.

29 Maharashtra State Archives (MSA). Government of Bombay, Home Department (Special). Mumbai. File 543 (10) E (B): P. 125.

30 *Times of India*. 1925. March 25. P. 8.

в бомбейских «галлис» (gullies) — переулках и «чолс» (chawls) — многоквартирных домах, квартиры которых сдавались в аренду. Образ темнокожего горожанина, ускользающего от властей в местах, известных лишь для туземцам, вызывал тревогу колонизатора³¹. В подобном конструировании инаковости мораль и психология перерабатывали категории расы, касты и класса, усиливавшие друг друга, для определения и поддержания силами правопорядка социальных и моральных границ³². Для рассказчиков из среды полицейских чиновников, преимущественно британского происхождения, хулиганы были «ущербными персонажами» из «менее благоустроенных кварталов» [Edwards 1924: 11, 35]. Как объяснял правительству в 1926 году Патрик Келли, комиссар полиции (1922—1929), многие городские хулиганы, мавали и бадмаши, были не «обыкновенными» индийскими жителями, но «сбродом», «подонками» и «нежелательными лицами» по рождению (цит. по: [Chandavarkar 1998: 161]).

Этот способ суждения о моральном и духовном различии не ограничивался колониальными властями и «европейскими» переселенцами. Разнообразные сообщества Индии (индуисты, мусульмане, парсы, христиане и другие) осуждали другие сообщества, особенно представителей городской бедноты. Речь идет, в частности, об индийских элитах, судьях, юристах, чиновниках, членах правительственных комиссий — их роль возросла после 1919 года, когда индийцы получили ограниченные права на участие в местном самоуправлении согласно Акту о правительстве Индии. Молодые мужчины нападали с ножами на случайных прохожих, оказавшихся в их районе, дрались, шумели и проявляли агрессию во время религиозных праздников, они не следовали принципу ненасилия во время политических демонстраций (чего требовало учение Ганди), они нападали на других индийцев во время «межобщинных волнений» (communal riots) — эти проступки осуждали самые разные обитатели Бомбея, считая их морально безответственными и иррациональными действиями хулиганов, мавали, бадмашей. Разумеется, эти суждения носили моральный характер и были связаны с суждениями о расе, этничности, классе, касте и гендере. Как показал историк Раджнараян Чандаваркар, и европейские, и индийские элиты с нарастающей паникой утверждали, что «бадмаш и мавали правят на улицах», в рабочих районах, шатаясь по переулкам и чайным, — щепка на ветру, легко воспламеняющаяся и способная поджечь все вокруг [Ibid.: 143, 159—61]. На некоторые группы, такие как пуштуны (называемых *Pathans* в Индии), почти все смотрели как на жестоких, коварных и склонных к насилию по своей природе. Во время беспорядков, вызванных межобщинными столкновениями, индуисты и мусульмане время от времени прибегали к схожим ярлыкам, рассматривая собственное насилие как оправданную защитную реакцию, а насилие других — как иррациональное и чрезмерное. Как показал историк Джунед Шайх, даже бомбейские коммунисты использовали понятие «мавали» вместе с «далит» (обозначение касты неприкасаемых) для описания «концептуального другого» рабочего класса, «люмпен-пролетариата» со «склонностью к насилию» и штрейкбрехерству [Shaikh 2011: 69—72; 2021: 63, 69—70].

31 См., например: Times of India. 1919. August 8. P. 7; 1920. December 23. P. 9; 1925. March 25. P. 8; 1926. February 25. P. 13.

32 О переплетении «класса» и «касты» см.: [Shaikh 2021].

Как и в Одессе, иррациональная чрезмерность была основной призмой для социальных и моральных суждений. Бомбейская пресса почти ежедневно сообщала об уличном насилии, демонстрируя дурную природу нападавших, их унижительные и нетерпимые условия существования. Предлагались объяснения причин насилия или, по крайней мере, поводов для него: реакция на публичное оскорбление (включая именование мавали, бадмашем или хулиганом), соперничество за внимание женщин, ссора из-за денег, попытка ограбления. Многие инциденты считались следствием пьянства, особенно когда речь шла о драках и поножовщине у магазинов, продававших алкоголь. Но более глубокими причинами представлялись патологии морали и характера. Это проявлялось и в том, как многие судьи, офицеры полиции и журналисты использовали эти категории. Так, во время процесса над мусульманским мавали, ранившим двух мусульман, видимой причиной было желание «обрушить возмездие» на голову одной из жертв за нанесенное ранее оскорбление. Комментарий судьи относительно свидетельств предполагаемых жертв позволяет взглянуть на дело под иным углом: «Его Сиятельство, подытоживая дело, отметил, что свидетельства двух истцов, которым были нанесены ножевые ранения, не вполне связны, однако от такого рода людей, принадлежащих к низшему классу общества, нельзя ожидать чего-то большего». В его глазах все они были мавали и то, что они были мусульманскими мавали, делало их только хуже. Он приговорил обвиняемого к четырнадцати годам каторжных работ, но в каком-то смысле осуждал всех представителей «нижнего класса» как расово, социально, морально и умственно нечистоплотных³³.

Преследование девушек и женщин, преследование, имевшее сексуальный подтекст, было таким же лейтмотивом рассказов о хулиганах в Бомбее, как и в Одессе. Часто встречался рассказ о том, как мужчины, стоявшие темной порой на обочинах улиц, поджидали молодых женщин, возвращавшихся из кино, чтобы «столкнуться с девушками, а затем грубо отпихнуть их в сторону, сопровождая это сквернословием», и, возможно, продолжить преследовать их в трамвае³⁴. Особенно популярны были газетные репортажи с судебных слушаний о мужчинах, на улице «надругавшихся над благопристойностью» (*outraged the modesty*) женщин, — категория Индийского уголовного кодекса, которая включала действия от оскорбительных слов и «непристойных предложений» до физического преследования и сексуального насилия (изнасилование было отдельной категорией преступлений). Публичный интерес к подобным пикантным моральным и социальным драмам привлекал толпы зрителей, заполнявших залы судов.

И здесь город был ключом к пониманию этих морализаторских рассказов, особенно определенные городские пространства, неизбежно классово, расово или этнически маркированные. Для газетной статьи или отчета полиции было достаточно лишь упомянуть, что инцидент приключился в Каматипуре, Бхенди базаре или Чор базаре (буквально переводившимся как «Воровской базар»), дабы дать понять, что случилось что-то дурное, необычайное и иррациональное. Когда «Роберта Себастиана, христианской веры» пырнули ножом в спину и ограбили на Фолклендской дороге, на окраине Каматипура, то магистрат Б.Н. Атхавле, пытаясь избежать «бунта», признал, что его вердикт про-

33 Times of India. 1924. August 7. P. 8.

34 Times of India. 1920. November 23. P. 12.

тив «толпы хулиганов» определялся репутацией района: «...отрезок Фолклендской дороги между Углом Грант Роад и Голпитхой имеет дурную славу места кишачего дурными типами, и Его Милость, соответственно, приняла этот факт к сведению». Сославшись на другие «гнусные акты жестокости» в районе, судья заключил, что это дело из-за его места происхождения «требует самого сурового приговора, который способна вынести Его Милость»³⁵. Обвиняемые обжаловали приговор. Их адвокат настаивал, что судить о преступлении на основании других правонарушений, произошедших в районе, было неверно с юридической точки зрения и «мстительно» с моральной. Апелляция была отклонена³⁶. Обвиняемые остались приговоренными, как и место, где они жили. Это был распространенный способ судить о городских пространствах. В 1923 году бомбейский писатель О.У. Кришнан в своем сенсационном повествовании о «ночной стороне Бомбея» описал Каматипуру как «непрерывающуюся Трагедию Бомбея, место, не чуждое многим преступлениям, поджогам, убийствам... территорию Сатаны, землю обетованную чада и обломков, потерянных для человечества, отверженных, униженных, нечистых, отравленных и распущенных»³⁷.

Уличные празднования были отдельной проблемой, особенно Мухаррам. Чиновники полиции утверждали, что фестиваль почти превратился в «ежегодную оргию на улицах», в чем они обвиняли хулиганский элемент, и инициировали кампанию, чтобы «взять под контроль» и «очистить» Мухаррам [Edwardes 1923: 181, 187]. Представители мусульманских элит были с этим согласны. Во многих отношениях в «оргию» Мухаррам превратил конфликт между местными молодыми рабочими и купечеством квартала, осложненный тем, что молодые люди, почитавшие традицию шестивей, в основном принадлежали к суннитам, а местные торговцы были по преимуществу шиитами Бохра. «Уважаемые» люди Бохра были оскорблены шумом и буйством уличного праздника. Годами кушцы Бохра жаловались городской администрации, что каждый Мухаррам улицы захватывались «беззаконными буянами», «магометанскими бадмашами» и «крикливыми» бандами, создававшими «великий шум голосами и там-тамами», часто прямо перед их мечетями, и доставлявшими «неудобства самого грязного толка», оскорблявших Бохра «используя самые скверные и неприличные выражения»³⁸.

«Беспорядки» (riots) были редки, но они обнажали напряженный социальный и политический ландшафт позднеколониального Бомбея. Уличное насилие вырывалось наружу во время забастовок и антиколониальных протестов. Однако в этом необыкновенно пестром городе, где этно-религиозные сообщества были связаны сильной внутренней солидарностью и почти за каждую улицу бились как за отдельное этно-религиозное пространство, — что сильно отличалось от более слабых и подвижных связей внутри сообществ Одессы, — большая доля коллективного уличного насилия принимала форму «межобщинных» конфликтов, в особенности между мусульманами и индуистами. В остроте и жестокости конфликтов, в том, что и самый «пустяковый»

35 Times of India. 1921. December 21. P. 12.

36 Times of India. 1922. February 17. P. 9.

37 *Krishnan O.U. The Night Side of Bombay*. Bombay: Tatva-Vivechaka Press, 1923. P. 43–44.

38 “Regulating Muharram for 1923”, MSA. Home (Political). File 167 (1923); “Regulating Muharram for 1929”. MSA Home (Political). File 84 (1929); [Kidambi 2016: 141–142].

повод мог легко вылиться в «бойню» (holocaust)³⁹, обвиняли хулиганов, наводивших и обезобразивших общественную жизнь Бомбея; создателей «бесчинств» (mischief), готовых воспользоваться беспорядками и даже упивавшихся ими. Это были неизменно индуисты и мусульмане низших экономических классов.

Для объяснения насилия во время политических протестов показателен комментарий известного бомбейского владельца недвижимости Васантрао Анандрао Дабхолкера, касавшийся насилия, совершенного индуистами и мусульманами во время протестов против репрессивного Закона об анархических и революционных преступлениях 1919 года: «...силы бесчинства (forces of mischief), которые всегда вырываются на свободу в таких случаях, множатся и становятся неконтролируемыми, и хулиганы поэтому могут повеселиться на славу, несмотря на лучшие намерения лидеров»⁴⁰. Когда волна уличного насилия, в частности атак на трамваи и магазины, прокатилась по Бомбею в 1921 году во время визита принца Уэльского, Махатма Ганди направился в район, в котором происходили беспорядки, и выразил досаду по поводу «неистовства толпы», «упивавшейся» собственной разрушительной мощью, которая, — он настаивал, — наносила вред антиколониальному движению, и даже заставила его усомниться в том, следует ли ему призывать людей выходить на улицы, пусть и для мирных протестов⁴¹. Эти стенания, ставшие уже привычными, продолжатся и в последующие годы, особенно в отношении вспышек насилия между общинами.

В 1929 году первое с 1893 года крупное столкновение между индуистами и мусульманами разгорелось из-за слуха о том, что мусульмане-пуштуны похищали детей на улицах города. Этот рассказ начал «царство террора» против пуштунов, как ситуацию описывали газеты и полицейские отчеты. В ответ пуштуны «обезумели от ярости» и бросились нападать на индуистов. В последовавшей «оргии бунта», согласно докладу полиции, индуистские и мусульманские мавали рыскали по улицам, охотясь друг на друга, начались «побоища» в Каматипуре и других районах, «толпы» напали на докторов, пытавшихся помочь жертвам, группы лежали на улицах и на дорогах, никто не осмеливался подобраться к ним⁴².

В том же году имел место другой случай массовых беспорядков. Индуистская процессия подошла к мечети в районе хлопкопрядильных фабрик Парэла. Услышав барабаны и пение, из мечети появились мужчины, швырявшие бутылки и камни; вооружившись палками и ножами, они атаковали индуистов. По мере того как уличные бои распространились по всему городу, росло и число жертв с обеих сторон. Нападения на индуистских женщин и детей, которых вытаскивали прямо из такси, согласно многим свидетельствам, начиная от публикаций «Times of India» и кончая Ганди, были одним из признаков ис-

39 Times of India. 1932. May 24–25. P. 6.

40 British Library Manuscripts and Archives. India Office Records and Private Papers. London. (IOR/L). Public and Judicial Department (PJ). File 839 (“City of Bombay Disturbances, April 1919”), January 1920 — February 1920. P. 6, 99–100.

41 Times of India. 1921. November 19. P. 10.

42 Evening News of India (Bombay). 1929. February 4–11; MSA. Home (Special). File 543 (10) E (B). P. 32–33, and 344 (1929). P. 21–23; IOR/L/PJ/6/1974. File 362. 1929; The Police Report on the Bombay Riots. February 1929. Bombay: Government General Press, 1929.

ключительной иррациональности происходящего. В свою очередь, мусульмане жаловались на уличный «беспредельный террор», не позволивший им передвигаться по району Парэл, делая невозможным посещения мечетей, они характеризовали ситуацию как «царство гундаизма»⁴³.

Казалось, что насилие не имело цели. Причиной происшедшего, по наблюдениям многих, было не исполнение на улицах музыки индуистами и не оскорбление, которое это нанесло мусульманам, но «желание устроить безобразия». Газеты, читавшиеся мусульманами, жаловались: индуисты знали, что «вызвать возмущение» можно было исполнением музыки у мечети. А мусульмане — сообщали газеты для индуистов — просто-напросто ждали повода для драки, держа наготове для этого случая арсенал из «камней, кирпичей и бамбуковых палок». Как и хулиганы Одессы, всегда расположенные подрасться, бомбейские хулиганы были постоянно готовы оскорблять и возмущаться⁴⁴.

Хулиганство было ключевой категорией, применявшейся элитами с обеих сторон для объяснения беспорядков. Когда Законодательный совет Бомбея — часть системы «диархии», позволявшей выборным представителям индийского населения участвовать в местном самоуправлении, — обсуждал взрыв уличного насилия в 1929 году, К.М. Мунши, влиятельный активист движения за свободу Индии, с пылом утверждал, что «по природе своей эти беспорядки не имели ничего общего с общинами», но являлись делом рук «профессиональных мавали города»⁴⁵. Газета «Indian Daily Mail» соглашалась: не религия была истинной причиной столкновений, а городской «хулиганский класс», подталкивавший толпу к межобщинному насилию; эти хулиганы «оборачивали» свои истинные цели в религиозные лозунги, в то время как источник их мотивации «на самом деле происходил из их природной испорченности». Газета «Bombay Chronicle» делала акцент на «омерзительном спектакле мелкого хулиганства, которое превратилось в ужасающую угрозу нормальной жизни горожан». Газеты на языке гуджарати сходным образом обвиняли в насилии «мавали радж» (mawali raj, в приблизительном переводе — «царство хулиганов»), которому полиция позволила установиться на улицах⁴⁶. Официальный Комитет по расследованию бомбейских беспорядков, назначенный губернатором Бомбея и возглавляемый британским юристом и чиновником П.Э. Персивалем, проректором Университета Бомбе Мирзой Али Мухаммед Ханом и ученым индуистом-гуджаратцем и отставным судьей Моханлалом Джхавери, обвиняла в подстрекательстве к этим бунтам коммунистов, утверждая даже, что они могли быть изобретателями и распространителями слухов о похищениях⁴⁷. Однако главным их грехом — сходились во мнении эти представители верхов колониальных, индуистских и мусульманских сообществ города — были

43 MSA. Home (Special). File 344 (1929), 49, 53, 103, 115, 120, 123; Reports on Native Newspapers in the Bombay Presidency. Bombay: Government Central Press, 1929. Week ending May 11. P. 587 (Gujarati).

44 Reports on Native Newspapers. 1929. Week ending April 27. P. 528—529 (Insaf and Nava Samachar). P. 554—555: May 4 (Insaf). P. 586—587: May 11 (Gujarati).

45 “Extract from the Official Report of the Bombay Legislative Council Debates.” 1929. February 26, 602—603, in IOR/L/PJ/6/1974, File 362 (“Rioting in Bombay, 1929”).

46 Indian Daily Mail (Bombay). 1929. May 7; Bombay Chronicle. 1929. May 6. P. 1; May 7. P. 1; Reports on Indian Newspapers. 1929. Week ending February 23. P. 231.

47 IOR/L/PJ/6/1974. File 362 (1929)]; MSA. Home (Special). File 543 (10) E (B), 49; 793 (1), 1932, 94.

«безрассудные» призывы, обращенные к публике и приводившие в возбуждение «крупный хулиганский элемент» и «банды мавали». «Бомбей имеет незаслуженно высокую численность хулиганов, — заключали они, — и мы того мнения, что следующей по серьезности после коммунистической угрозы в Бомбее является хулиганская»⁴⁸.

Голоса хулиганов: «Могут ли угнетенные говорить?»

Можно ли узнать хоть что-то о моральных ценностях и эмоциональных переживаниях самих «хулиганов»? Можем ли мы объяснить вспышки агрессии, беспорядки и насилие, не прибегая к упорядочивающей и отчуждающей категории «хулиганство»? Способны ли мы услышать их голоса, узнать что-то об их собственном складе ума, помимо психологического и морального осуждения, а также политических ориентиров и интересов осуждавших? Не можем ли мы прочесть насилие и нарушение закона как своего рода социальный язык (см.: [Аксенов 2020; Gerasimov 2018])? Как ответим мы на знаменитый вопрос: «Могут ли угнетенные говорить?», на который Гаятри Чакраворти Спивак дала пессимистичный ответ [Spivak 1988]?

Можно попытаться высказать предположение относительно того, что мы могли бы услышать, используя сравнительные исследования и теорию. Авторы, изучающие «футбольных хулиганов» современной Британии, например, утверждают, что их поведение является ответом на условия социальной исключенности и подчиненного положения, ограничивающие их способность действовать. Хулиганское насилие можно рассматривать как грубый способ самоутверждения — если и не «сознательный», то осознанный — или, по меньшей мере, как выражение фрустрации и скопившейся ярости вперемешку с удовольствием от возможности выплеснуть ее. В связи с этим утверждением находится аргумент о том, что все это — перформативные выражения маскулинности, мужской агрессии, особенно в условиях, подрывающих статус их мужественности. Схожим образом, по наблюдениям исследователей, почвой подобного рода наклонностей является социальная ненависть (классовая, расовая, этническая, религиозная) и страх, внимание, уделяемое медиа, «выброс адреналина», получаемый от самого насилия, и алкоголь [Frostdick, Marsh 2005].

Возможности для интерпретации перспективы самих хулиганов были предложены теоретиками насилия. Наблюдая и анализируя опыт населения колониальной Северной Африки, психиатр и философ Франц Фанон описал феномен, названный им «атмосфера насилия», — «аффективность» всегда «на грани, как гноящаяся язва, содрогающаяся в преддверии прикосновения разъедающего вещества», концентрированная «ярость», «закипающая под кожей», готовая вырваться наружу в «периодических извержениях» «кровавых потасовок» даже среди самих колонизированных [Fanon 2004: 16—19, 31, 219]. Его представление, что опыт унижений и отсутствие результатов собственных действий может стать топливом для ярости и насилия, было развито Славоем Жижекком, писавшим о бунтах жителей предместий Парижа, бедноты и им-

48 MSA, Home (Special). File 543 (10) E (B), 47, 73, 125; Evening News of India. 1929. June 24. P. 16.

мигрантов в 2005 году: «...труднее всего принять бессмысленность этих бунтов», они скорее были не «формой протеста», но являли собой «импульсивный переход к действию, который невозможно перевести в речь или мысль». Это не означает отсутствие «смысла» или самовыражения: даже в самом бесцельном насилии можно увидеть попытку утвердить отрицаемое «присутствие», собственную «зримость», «создать проблему», даже если действовавшие «не предлагали решения и не создавали движения для того, чтобы предложить такое решение» [Žižek 2008: 76—77, 179, 185, 200—202].

Эмоции и аффект занимают центральное место в теоретизировании субъективности хулиганов, особенно в понимании того, как люди переживают социальные травмы, раны и боль. В условиях относительного бессилия бурные эмоции могут стать знаком, способом совершить высказывание. Они могут быть в ряду того, что Сиэнн Нгаи назвала «уродливыми чувствами», такими как отвращение, зависть и ненависть, а могут привести к насилию. Однако «критический потенциал» скрыт даже в уродливых чувствах и действиях — опять же, не как непосредственный способ изменить ситуацию и даже не как адекватный катарсис, но как выразительный знак разочарования, недовольства и отказа и, возможно, даже потребности почувствовать себя «свободным» [Ahmed 2004: 33—34, 169, 193—194; Ngai 2005: 1—29, 161, 188].

Ни один из упоминаемых исследователей не думал о советских или об индийских «хулиганах» 1920-х годов. Но мы можем это сделать. Современники, пытавшиеся осмыслить уличное насилие в Бомбее и Одессе, сами замечали переплетение социальных переживаний (особенно неравенства), неспособность изменить собственное положение и сильных эмоций в пробуждении насилия. Они говорили о чувствах фрустрации, цинизма, безразличия, отвращения, ненависти, ярости и вожделения — возможно, не самые «рациональные» эмоции, но не лишённые социальной направленности и смысла. В глазах большинства представителей власти это были эмоциональные реакции, укоренённые в исторической отсталости и часто в социальной, этнической и расовой инаковости. Однако мы можем пойти против течения в толковании их аргументов и увидеть что-то более основательное, более позитивное, чем порочность.

В «чрезмерности», определявшей хулиганство, его характерной эмоциональной и физической диспропорциональности может быть услышан некий голос. Один из самых жестоких «бунтов общин», например, разразился в 1933 году из-за происшествия, которое в «Times of India» было названо «пустяковой ссорой из-за мяча для игры в крикет на детской площадке»⁴⁹. Воскресным вечером 8 января десятка три «кабульских пуштунов» собрались в Норсбрук Гарденс на южной границе Каматипуры, ожидая закат, чтобы отметить конец дневного поста в Рамадан. Мальчики-индуисты также играли в крикет в парке. До какого-то момента ситуация выглядела вполне нормальной, но, когда случайный мяч попал в одного из пуштунов, она быстро приняла драматичный оборот. Один пуштун дал мальчишке подзатыльник. Проходивший через парк рабочий-индуист, который уже успел пропустить стаканчик после завершения трудового дня на хлопкоперерабатывающей фабрике, «выразил протест пуштуну» — такие слова использовал автор полицейского отчета. В ответ последовал удар палкой. Началась массовая драка между индуистами и мусульманами, она распространилась на соседние улицы. Нападениям под-

49 Ibid.

верглись не только местные жители, но и пассажиры трамваев и машин, которых вытаскивали на улицы и избивали⁵⁰.

И в Одессе многие рассказы о хулиганах начинались с незначительных на первый взгляд пустяков: пьяный рабочий, зайдя в популярный ресторан «Английский уголок», подошел к столу и потребовал, чтобы посетители его угостили. Получив отказ, он отвесил оплеуху одному из присутствующих⁵¹. Случались и «неприятные “курьезы” — физические и моральные» (так описывал их репортер): пациенты напали на персонал скорой помощи и докторов, пытавшихся им помочь⁵². Были отмечены нападения толпы на трамваи и их водителей, задавивших пешеходов⁵³. Правонарушители избивали милиционеров, пытавшихся остановить «дебаш на улице», а когда двое из них оказались в отделении милиции, то они разорвали устав, вылили чернильницу на пол, пытались вырвать телефон с проводом⁵⁴.

Эти истории могут быть прочитаны как выражения голоса хулиганской субъективности. Личность хулигана была наполнена бурными чувствами и отмечена тем, что Фанон назвал «аффективностью... на грани». Некоторые диагностировали этот тип личности как присущий детям — озорство молодости, психологическая склонность молодежи проверять границы дозволенного и бросать вызов авторитетам, рисковать и искать запретных острых ощущений. В менее сочувственной интерпретации хулиганское поведение было ментальной патологией: если использовать слова советского медика, выступавшего в 1927 году в суде, хулиганские действия обвиняемого имели «признаки психопатии и травматического невроза» (мужчина был уволен с работы за буйство и хулиганские «скандалы», угрожал застрелить ответственных за увольнение, а потом избил женщину-врача во время осмотра)⁵⁵.

Также мы можем узнать социальные характеристики главных целей хулиганов: представители всех видов властей, автомобили и трамваи как классово маркированные виды транспорта, нарушавшие границы районов, незащищенные женщины. Мы видим чувства фрустрации и гнева в этих историях, включая социальный ресентимент (и зависть), а также разочарование. Действия, о которых идет речь, были не спланированными актами открытого неповиновения социальной норме, но стихийными и импровизированными. Они являлись — заимствуя выражения исследователей других эпох и территорий — ответами на депривацию и остракизм; выражением издевательского антагонизма по отношению к социальным и культурным гегемониям и нормам; утверждением отрицаемого присутствия и видимости; импульсивным выражением скопившейся фрустрации и ярости наряду с удовольствием от выражения этих чувств; нарушением повседневного течения жизни; жестоким способом самоутверждения.

Городские публичные места играют центральную роль в рассказах о хулиганах и в расшифровке их возможного значения. В отличие от обычных пре-

50 MSA. Home (Special). File 793-A, 1933, 1—19; Times of India. 1933. January 9. P. 3—4; Bombay Chronicle. 1933. January 9. P. 1; Annual Report of the Police on the City of Bombay for the Year 1933. Bombay: Government Press, 1934. P. 53.

51 Вечерние известия. 1926. 1 февраля.

52 Вечерние известия. 1926. 14 августа. С. 3; 19 августа. С. 4.

53 Вечерние известия. 1927. 1 июня. С. 4.

54 Вечерние известия. 1926. 28 января. С. 3.

55 Вечерние известия. 1927. 8 августа. С. 3.

ступников, прячущихся и носящих маски, хулиганы действовали открыто. Уличное насилие, осуществляемое народными массами, по утверждению разных исследователей различных эпох и стран, является грубым и непосредственным утверждением собственной власти в публичных пространствах. Шум и вызывающее исполнение музыки на улице, захват тротуаров в приступах буйства, атаки на трамваи и бросание камней, даже обычные ограбления — все это может быть рассмотрено как примеры «перформативного местопроизводства» [Jones 2007] на улицах того, что некоторые жители Бомбея называли «хулиганским царством» (мавали радж). Это было царство карнавала в понимании Михаила Бахтина — временное переворачивание и высмеивание иерархий. Найл Грин описывал бомбейский Мухаррам как «рабочий карнавал», время, когда мусульманские бедняки возвращали себе улицы, захватывая их у социальных и колониальных элит, используя собственные тела и производимые ими звуки: «бешеную» игру на барабанах, трубах и танцы [Green 2011: 53—56]. Улица в этих историях — территория участия, различия, власти и ее оспаривания, поле битвы за то, кто контролирует городское пространство, кто имеет «право на город».

Комсомольский лидер М. Рафаил в конце 1920-х годов беспокоился, что слишком много молодых людей романтизировали хулиганство «как вид особого “свободного героизма”»⁵⁶. Вопрос о «свободе» в хулиганстве заслуживает рассмотрения в качестве телесной и эмоциональной политики освобождения. В феврале 1926 года в передовице «Вечерних известий» отмечалось, что хулиганское «озорство» одесской молодежи может быть понято «как реакция против косности окружающего быта, как проявление свободы личности». И разумеется, по мнению редакции, чтобы общество могло существовать и развиваться, необходимо «наложить на эту личность узду общественной дисциплины»⁵⁷. Хулиганы отказывались от этой узды — метафора, которую можно распространить на все рассмотренные случаи.

«Веселье» — говоривший лейтмотив всех рассказах о хулиганстве как «свободном героизме». Мы можем расслышать его в описаниях одесских хулиганов как «веселых» и в рассказах о том, как бомбейские хулиганы «весело проводили время», устраивая свои «безобразия». Это была значимая тема новостных репортажей в Одессе. В 1928 году, например, «Вечерние известия» сообщали, что некие «веселые ребята» были арестованы и осуждены за свои жестокие выходки на Молдаванке. «Был тихий, мирный советский вечер», когда трое парней пожелали «хулиганить и дебоширствовать», совершив целую «цепь веселых походов». Для начала они швыряли камни в рабочих на улице. Этого им было мало: решив «повеселиться по-настоящему», они стали кидать камни в окна, наводя ужас на жителей. «Осада» домов, «населенных рабочими и просто гражданами», не принесла им удовлетворения, поэтому они напали на клуб рабочих трамвайного депо. Затем вооруженные ножами «веселые ребята» продолжали свои походы, когда им встретился Виктор Шварцман, наслаждавшийся мирной прогулкой. Его они решили побить и украсть его одежду, но тут наконец появилась милиция, арестовавшая «весе-

56 Рафаил М. Беспощадная борьба с чубаровщиной // Чубаровщина: По материалам судебного процесса. М.; Л.: Госиздат, 1927. С. 10; Рафаил М. За нового человека. Л.: Прибой, 1928. С. 75.

57 Вечерние известия. 1926. 9 февраля. С. 1.

люю компанию»⁵⁸. Слово «веселье», конечно, использовалось рассказчиком иронически, даже саркастически, поэтому кавычки неотступно осаждали его. Но они также намекали на агрессию, которую не удавалось контролировать, ибо она позволяла насильникам «весело провести время».

Порой можно было расслышать и настоящие хулиганские рассказы, особенно в зале суда. Там советские хулиганы Одессы объясняли свои действия: «Я — молодой»; «Я не виноват... Я, может, больной... Может, у меня припадок такой приключился. Я, товарищи, человек, — не больше»; «Был пьян... Началась драка... Я оборонялся... Как, не помню»; «Это была “простая забава” подвыпившего человека»⁵⁹. Сложно назвать это чистосердечной исповедью, ведь все говорилось для тех, в чьей власти было отправить их в тюрьму. Но это не значит, что их рассказы, содержащие неприменный нравоучительный вывод, вообще не содержали истины или что они не принадлежали хулиганам. В 1925 году «Вечерние известия» опубликовали интервью с уличным «героем» Одессы, — как всегда, такие истории рассказывались в саркастическом ключе, — который оплакивал растущую тенденцию советского общества морально оценивать и контролировать каждый шаг в повседневной жизни граждан, что ощущалось им как объявление войны веселью. Жизнь в прошлом была лучше — по мнению героя: можно было напиться, устроить публичный скандал, затеять заваруху в трамвае, а затем быть отпущенным из зала суда, потому что пьянство принималось в качестве достаточного оправдания за уличный дебош. Теперь же «безобразничать» стало намного сложнее: «Трудно стало жить веселому человеку, ей-богу трудно»⁶⁰.

Заключение

Критически читая суждения «хулиганов», интерпретируя их физические действия как экспрессивные жесты, понимая признаки эмоций как форму самовыражения, внимательно вслушиваясь в их слова и удерживая в уме контексты динамики класса и общественной власти, в которых им приходилось действовать, мы можем узнать из них нечто большее, чем отражение их умственной и моральной отсталости и уродства. Безусловно, услышанное сложно назвать сознательным протестом или сопротивлением. Однако оно может быть рассмотрено как нечто политическое: как отрицание, как импровизированное освобождение, как наслаждение безобразием. На языке теории мы можем понять хулиганов как осознанно, пусть и не «сознательно», подрывавших структуры распределения власти и неравенства, делавших себя видимыми и учреждавших собственное присутствие вопреки условиям подчинения и маргинализации, сопротивлявшихся дисциплинирующим нормам, ненадолго бравших под контроль время и пространство улиц, даже «героически» воплощавших своеобразный дух свободы и наслаждения. Городские улицы были их средой обитания и сценой, где непростые судьбы и переживания приходили в столкновение с авторитетными и даже претендующими на гегемонию идеями о морали

58 Вечерние известия. 1928. 10 января. С. 4.

59 Вечерние известия. 1926. 6 апреля. С. 3; 1927. 10 октября. С. 3; 1926. 4 октября. С. 3; 1929. 20 июня. С. 4.

60 Вечерние известия. 1925. 19 ноября. С. 3.

и нормальности, а также с гегемонными политическими и общественными структурами и, напротив, с условиями жизни «неустойчивыми, изменчивыми и неуправляемыми» [Tambe, Fischer-Tiné 2009: 11]. Города являются местами, где люди с полным на то основанием могут чувствовать себя исключенными, принужденными к дисциплине и раздавленными. Но они были также местами, где — как писала историк Садиа Хартман об афроамериканках той же эпохи (ведь это была глобальная эпоха с глобальной историей) — были возможны и «эксперименты в поисках иной жизни» [Hartman 2019: 33].

Авториз. пер. с англ. Станислава Худзика

Библиография / References

- [Аксенов 2020] — Аксенов В. Слухи, образы, эмоции: Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914—1918). М.: Новое литературное обозрение, 2020.
- (Aksenov V. Slukhi, obrazy, emotsii: Massovye nastroyeniya rossiiyan v gody voyny i revolyutsii (1914—1918). Moscow, 2020.)
- [Лебина 1999] — Лебина Н.В. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920—1930 годы. СПб.: Нева; Летний сад, 1999.
- (Lebina N.V. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: normy i anomalii. 1920—1930 gody. Saint Petersburg, 1999.)
- [Савченко 2012] — Савченко В. Неофициальная Одесса эпохи нэпа, март 1921 — сентябрь 1929. М.: РОССПЕН, 2012.
- (Savchenko V. Neofitsial'naya Odessa epokhi nepa, mart 1921 — sentyabr' 1929. Moscow, 2012.)
- [Ahmed 2004] — Ahmed S. Cultural Politics of Emotion. New York: Routledge, 2004.
- [Chandavarkar 1998] — Chandavarkar R. Imperial Power and Popular Politics: Class, Resistance and the State in India, c. 1850—1950. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
- [Chandavarkar 2009] — Chandavarkar R. History, Culture, and the Indian City. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- [Cohen 1969] — Cohen S. Hooligans, Vandals, and the Community: PhD thesis. London, 1969.
- [Cohen 1972] — Cohen S. Folk Devils and Moral Panics: The Creation of the Mods and Rockers. London: MacGibbon and Kee, 1972.
- [Cooper, Stoler 1997] — Tensions of Empire: Colonial Cultures in a Bourgeois World / Ed. by F. Cooper and A.L. Stoler. Berkeley: University of California Press, 1997.
- [Edwardes 1923] — Edwardes S.M. Bombay City Police: A Historical Sketch, 1672—1916. London: Oxford University Press, 1923.
- [Edwardes 1924] — Edwardes S.M. Crime in India. London: Oxford University Press, 1924.
- [Fanon 2004] — Fanon F. The Wretched of the Earth / Transl. by R. Philcox. New York: Grove Press, 2004.
- [Frosdick, Marsh 2005] — Frosdick S., Marsh P. Football Hooliganism. Cullompton, UK: Willan, 2005.
- [Gerasimov 2018] — Gerasimov I. Plebeian Modernity: Social Practices, Illegality, and the Urban Poor in Russia, 1906—1916. Rochester: University of Rochester Press, 2018.
- [Gorsuch 2000] — Gorsuch A. Youth in Revolutionary Russia: Enthusiasts, Bohemians, Delinquents. Bloomington: Indiana University, 2000.
- [Green 2011] — Green N. Bombay Islam: the Religious Economy of the West Indian Ocean, 1840—1915. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- [Hartman 2019] — Hartman S. Beautiful Experiments: Intimate Histories of Social Upheaval. New York: Norton, 2019.
- [Humphries 1981] — Humphries S. Hooligans or Rebels? An Oral History of Working-Class Childhood and Youth, 1889—1939. Oxford: Basil Blackwell, 1981.
- [Jones 2007] — Jones R. Sacred Cows, Thumping Drums: Claiming Territory as 'Zones of Tradition' in British India // Area. 2007. Vol. 39. No. 1. P. 55—65.
- [Kidambi 2016] — Kidambi P. The Making of an Indian Metropolis: Colonial Governance and Public Culture in Bombay, 1890—1920. London: Routledge, 2016.
- [Lefebvre 1968] — Lefebvre H. Le droit à la ville. Paris: Éditions Anthropos, 1968.

- [McDonald 2011] — *McDonald T.* Face to the Village: The Riazan Countryside under Soviet Rule, 1921—1930. Toronto: University of Toronto Press, 2011.
- [Neuberger 1993] — *Neuberger J.* Hooliganism: Crime, Culture, and Power in St. Petersburg, 1900—1914. Berkeley: University of California, 1993.
- [Ngai 2005] — *Ngai S.* Ugly Feelings. Cambridge, Mass.: Harvard, 2005.
- [Pearson 1983] — *Pearson G.* Hooligan: A History of Respectable Fears. London: Macmillan, 1983.
- [Prestel 2017] — *Prestel J.B.* Emotional Cities: Debates on Urban Change in Berlin and Cairo, 1860—1910. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- [Schwarz 1996] — *Schwarz B.* “Night Battles: Hooligan and Citizen // In Modern Times: Reflections on a Century of English Modernity / Ed. by M. Nava and A. O’Shea. London: Routledge, 1996. P. 101—128.
- [Shaikh 2011] — *Shaikh J.* Translating Marx: Mavali, Dalit and the Making of Mumbai’s Working Class, 1928—1935 // Economic and Political Weekly. 2011. Vol. 46. No. 31. P. 65—73.
- [Shaikh 2021] — *Shaikh J.* Outcaste Bombay: City Making and the Politics of the Poor. Seattle: University of Washington Press, 2021.
- [Spivak 1988] — *Spivak G.C.* Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture / Ed. by C. Nelson and L. Grossberg. Urbana: University of Illinois, 1988. P. 267—310.
- [Steinberg 2011] — *Steinberg M.* St. Petersburg Fin de Siècle. New Haven: Yale University, 2011.
- [Steinmetz 2014] — *Steinmetz G.* Comparative History and Its Critics // A Companion to Global Historical Thought / Ed. by P. Duara, V. Murthy and A. Sartori. Chichester: Wiley-Blackwell, 2014. P. 412—436.
- [Tambe, Fischer-Tiné 2009] — The Limits of British Colonial Control in South Asia: Spaces of Disorder in the Indian Ocean Region / Ed. by A. Tambe and H. Fischer-Tiné. London: Routledge, 2009.
- [Žižek 2008] — *Žižek S.* Violence. New York: Picador, 2008.